

Александр Зорич

Ничего святого

*Часть сборника
Ничего святого (сборник)*

Александр Зорич

Ничего святого

«Автор»

2003

Зорич А.

Ничего святого / А. Зорич — «Автор», 2003

ISBN 978-5-457-09793-3

«Сармонтазара вобрала в себя многое из того, что я любил в культурах наших, земных: возвышенную страстность европейского средневековья, элегантный трагизм дальневосточных культур и пестрые магические энергии культур Мезоамерики. В этом мире боролись и любили мои герои, очень похожие на современных людей в главном, но непохожие в остальном. Именно в этом мире, мире Сармонтазары, разворачивается действие повести „Ничего святого“. Ключевыми для ее понимания являются несколько слов, смысл которых понятен каждому, в ком жива душа. Это – верность и преданность, низость и подлость, отмщение и любовь. История о суровом наказании за обман и предательство вложена в уста ариварэ– существа из иного метафизического измерения, волею случая ставшего вначале свидетелем одной человеческой драмы, а впоследствии и вершителем судеб ее участников. Каждую фразу этой повести я, не скупясь, оплатил опытом своей жизни, и работа над ней заняла почти полгода. „Ничего святого“ я считаю лучшей своей повестью...»

ISBN 978-5-457-09793-3

© Зорич А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

От автора	5
Ничего святого	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Зорич

Ничего святого

От автора

В молодости Оскар Уайльд написал пьесу из жизни русских нигилистов, где действовали персонажи Царь Иван, Принц Петрович, Алексей Иванасьевич, Полковник Котемкин и Профессор Марфа. Конечно, если бы молодой Уайльд отнесся к своей задаче более добросовестно (например, пожил несколько лет в Санкт-Петербурге, изучил русский язык, читал русские книги), его образы России и русских не были бы столь комичны. Однако и совсем уж «русскими» они едва ли когда-нибудь сделались бы.

Когда я начинал писать фантастику, я не знал об этой пьесе Уайльда. Но смутно чувствовал: писать повести о чужих (и подчас чуждых) культурах невероятно сложно. На каждом шагу тебя подстерегает опасность попасть впросак, наводнить книгу «Алексеями Иванасьевичами». В этом отношении фантастика являет собой благодатную территорию. Она предоставляет писателю возможность создать собственный мир со своей культурой и распоряжаться в нем по-хозяйски, сосредоточиваясь при написании книги на самом важном – на героях, перипетиях сюжета, игре смыслов и драме чувств.

Мир, который я придумал, получил имя Сармонтазара. Позднее он дополнился Синим Алустралом и превратился в Круг Земель, но и я сам, и многие мои читатели со стажем чаще называем его по-прежнему Сармонтазарой – по восточной половине Круга Земель, где происходит действие большинства моих книг.

Сармонтазара вобрала в себя многое из того, что я любил в культурах наших, земных: возвышенную страстность европейского средневековья, элегантный трагизм дальневосточных культур и пестрые магические энергии культур Мезоамерики. В этом мире боролись и любили мои герои, очень похожие на современных людей в главном, но непохожие в остальном. Именно в этом мире, мире Сармонтазары, разворачивается действие повести «Ничего святого». Ключевыми для ее понимания являются несколько слов, смысл которых понятен каждому, в ком жива душа. Это – верность и преданность, низость и подлость, отмщение и любовь. История о суровом наказании за обман и предательство вложена в уста *ариварэ* – существа из иного метафизического измерения, волею случая ставшего вначале свидетелем одной человеческой драмы, а впоследствии и вершителем судеб ее участников. Каждую фразу этой повести я, не скупясь, оплатил опытом своей жизни, и работа над ней заняла почти полгода.

«Ничего святого» я считаю лучшей своей повестью.

Ничего святого

Моему учителю Дю Ин Ю

Сначала у Лорчей была отвага.

Стоять спиной к гремящей волнами пропасти, с обломками мечей вместо полноценного оружия и во всю глотку орать наседающим врагам «не сдадимся!» – это было в их духе.

Потом отвага воинов Дома Лорчей вошла в поговорки и превратилась в доблесть.

Воспитанники учили мальчиков не меняться в лице, когда больно, и орать «не сдадимся!» как можно убедительней.

Мальчики вырастали настоящими вояками. Они знали, как подрезать сухожилие пленному, чтобы он мог идти, но не мог сбежать, в каком порядке отступать и что следует говорить, когда сзади горящий корабль союзников, а что – когда сзади свой брат с секирами наперевес.

Быть доблестным – значит быть немного актером.

Это когда делаешь вид, что почти не устал после суточной разведывательной вылазки. Или когда говоришь товарищу, истекающему кровью: «Гордость за подвиг сына высушит слезы твоей матери!» Это когда твоим воинам нет разницы – штурмовать замок или грабить обоз, – они сделают все с одинаково правильным выражением лица.

Но актерство приедается – вот в чем проблема. Не прошло и трехсот лет, как доблесть Лорчей превратилась в верность Лорчей.

Верность – это когда ты делаешь вид, что актерства вообще не существует, одна только искренность, отсюда и до горизонта. «Навеки», «никогда», «лучше смерть, чем предательство» – вот слова тех, кто избрал верность своим образом жизни.

Кому только не был верен Дом Лорчей!

Сначала Лорчи были верны своим принципам, потом – союзническому долгу. После – Империи и лично императору. Сотню лет спустя – Дому Гамелинов, а потом – их заклтому врагу, Дому Пелнов. Не говоря уже о верности идеалам мужества и отваги...

Когда Лорчи сделали верность своей профессией, у них появились деньги.

Оказалось, верным быть выгодно. Нужно только как следует выбирать, кому верить, всегда брать хороший задаток и не зевать. А вдруг для доверия больше нет оснований и пора хранить верность кому-то другому?

Вместе с деньгами у Лорчей появились наемники.

Оказалось, что хваленой верности Лорчей можно научить кого угодно. Желательно, правда, чтобы этот кто угодно был физически вынослив и несентиментален.

Вместе с наемниками у Лорчей появилось свободное время. Они полюбили книги, хорошую посуду, цветущие деревья и духи.

Так Дом Лорчей стал самым утонченным и самым заносчивым Домом Синего Алустрала.

Даром что полы в хмурых замках Лорчей по традиции мели ритуальными метлами из настоящих человеческих волос. Как в те времена, когда Лорчи были отважны.

Однажды утром на рынке Съёр, молодой аристократ из Дома Лорчей, увидел прокаженного.

На руках прокаженного не хватало пальцев, а на лице – носа.

И воняло от него отвратительно. Так сильно, что даже те прохожие, которые поначалу были не прочь подать калеке, через три шага по направлению к миске для подаяний отзывали

свои благие намерения. словно в рассеянности прятали они гроши обратно в кошельки и сворачивали в сторону.

У Съёра охоты подавать не возникало никогда, а значит, изображать рассеянность ему было ни к чему. Он оставался таким же, как всегда: хищным, пружинистым и дерганым.

Съёр зажал пальцами нос и, широко ступая, зашагал к своей цели – публичному дому с милым названием «Прикосновение».

В переулке на северной окраине города, где по традиции все «прикосновения» и «отдохновения» квартировали, путь Съёру преградил бродяга, который спал прямо поперек дороги.

Через бродягу Съёру пришлось переступить.

У лежащего были грязные сивые патлы и длинные желтые когти. От его платья несло рыбой – в нагрудном кармане лежала четверть копченой камбалы, которой он собирался отобедать.

Съёра даже передернуло – так сильно от бродяги воняло. Даже сильнее, чем недавно от прокаженного.

Запаха рыбы Съёр вообще не переносил. Он напоминал ему о людях, которые зарабатывают рыбой на жизнь: о продавцах и перекупщиках на оптовом рынке, о разделщиках тунцов и их малолетних, но уже по-взрослому испорченных помощниках. А также о рыбаках, которые больше всех других равнодушны к вопросам гигиены: все равно, мол, шторм умоет и подмоет.

Выводы Съёр сделал быстро.

Если бы не похоть, тягучая, наглая и безадресная, не шагнул бы он через рыночную площадь, где прокаженные – как у себя дома. И в «Прикосновение» не пошел бы. В этом улье сладострастных воплей, в этом театре некрасивых чувств – пустых и, кстати, недешевых – делать ему было бы совершенно нечего, кабы не чувственная тоска.

И тут Съёр понял: ему срочно нужна настоящая любовь. Тогда можно будет не ходить никуда, кроме нее.

Случилось так, что ходить Съёр стал к своей родственнице Ливе, моей госпоже, моей любимой.

В ярко освещенной полуденным солнцем гостиной замка Сиагри-Нир-Феар, что в переводе с мертвого языка, на котором некогда говорили Лорчи доблестные и отважные, значит «Гнездо Бесстрашных», сидят три женщины.

Их зовут Лива, Зара и Велелена.

Они ни за что не собрались бы вместе, если бы не обычай Лорчей каждый десятый день объявлять сестринским. В Сестринский день, и это знает каждая женщина Лорчей, следует общаться со своими сестрами.

Сестры сидят вокруг лимонного дерева, которое растет в красивой глиняной кадке с облитыми глазурью боками. Кадка расписана знаменитым каллиграфом Лои.

Элегантные каракули Лои – дорогое удовольствие. Но заставить раскошелиться папашу Видига – отца всех трех сестер – Ливе было несложно. За шестьдесят лет папаша Видиг накопил столько знаменитых вещей, что хватило бы на хорошую антикварную лавку.

Лимонное дерево тоже непростое. Скоро ему исполнится двести восемьдесят лет. Это – одна из реликвий Дома Лорчей.

У дерева есть даже собственное имя. Его зовут Глядика – потому что люди, которые впервые его видят, чаще всего произносят именно эти слова.

Уже более двенадцати лет Глядика не цветет и не плодоносит, хотя его удобряют и нежат по-княжески. Разговаривать о том, как будет здорово, когда дерево зацветет, считается среди гостей Гнезда Бесстрашных хорошим тоном.

Впрочем, об этом сестры уже говорили. И теперь они болтают о слугах (то есть о нас). Болтает в основном Зара:

– Ливушка, радость моя, раз и навсегда заруби себе на носу – со слугами нужно строго. Ты еще молодая, жизни не знаешь... А я тебе скажу так: чем строже со слуги взыщешь, тем больше толку. Вон взять, к примеру, мою Иннану... Я ее всегда отмечала, обходилась с ней по-человечески. И что? Какая мне благодарность? Волосы гребнем как драла, так и дерет... И грубит все время.

– Грубит? Ты серьезно?! – Велелена отрывается от вышивания.

– Грубит.

– И что она, хотелось бы знать, тебе говорит такого грубого?

– Ничего не говорит. Она же немая. Но знаешь, милая Велелена, есть люди, которые одним своим видом грубят. Одним выражением лица.

Славно сказано. На Зару, нестройную, немолодую сестру моей госпожи Ливы, иногда находят приступы умноговорения.

Впрочем, почему я назвал ее немолодой? Зара старше Ливы всего на шесть лет, хотя иногда кажется – на шестьдесят.

Когда Заре было двадцать три, как Ливе, она выглядела так же, как и сейчас, – картофельный нос, тесно обтянутое платьем складчатое пузо, нарисованные коричневым по бритому брови.

Мечта госпожи Зары: показать наконец старшему Рем Великолепный. Тайная мечта: быть изнасилованной. Уверен, последнему не сбыться никогда.

К Велелене я отношусь немного теплее.

Она в основном молчит и вышивает (сейчас вот украшает платок клубничной, которую издали можно принять за сердце). В ее русых курчавых волосах и повадках нерожавшей самочки есть что-то неоспоримое, примирительное.

Ее мечта: выйти замуж. Ее тайная мечта: выйти замуж.

– Какая-то ты сегодня квелая, Ливушка. Приболела, что ли? – Зара внимательно смотрит на Ливу, которая только что покинула кресло и теперь, облокотившись на подоконник, сосредоточенно пьет крюшон с имбирем из серебряной пиалы. – Выглядишь как-то неважно.

– У меня бессонница. Не выпалась, – отвечает Лива.

– Ах, зайнышка ты моя! – Зара взволнованно таращится. – Сон – это здоровье. Спать нужно обязательно! Кстати, есть одно средство...

Зара начинает рассказывать про средство, а я подливаю крюшона в пиалку Велелены, которая стоит на широкой ручке ее кресла. Велелена краем глаза следит за моими действиями – а вдруг пролью?

Напрасно!

Я ничего никогда не проливаю. Могу с балкона второго этажа наполнить доверху наперсток, стоящий на боку ручного оленя, что заснул среди пионов.

Могу сделать то же самое с закрытыми глазами.

То же самое – с оленем, скачущим среди пионов.

– Ты меня неправильно поняла, дорогая Зара, – говорит Лива, в волнении кусая губу. – У меня не все время бессонница. А только сегодня – как-то жарко было, душно...

– Душно? Гм... Может, и впрямь душновато... Не заметила... Но все равно имей в виду: у меня есть на примете хороший лекарь. Такой знающий, заботливый! Недавно он вылечил моего супруга от вздутия живота. А когда у малыша резались зубки...

Пока Зара рассказывает про зубки, Велелена успевает опустошить пиалу и нашить на клубничный бок черные семечки.

Лива кивает, делает вид, что внимательно слушает. Но я-то знаю, что она сейчас думает про Съёра, который обещал после обеда «заскочить». И ждет не дождется, когда Велелена и Зара уберутся к такой-то матери, благо Сестринский день подходит к концу.

«Господи! Десять дней без этих тупых куриц! Поверить не могу в свое счастье!» – выпалит Лива, когда я закрою двери за Зарой и Велеленой.

В закрывании дверей я тоже виртуоз. Когда я закрываю их, гости, которые хотят возвратиться поскорей, уверены, что хозяева дома будут ждать их, не находя себе места, пока не дождутся.

А желающие поскорей забыть о тех, кто остался за дверями, забывают о них тотчас же, стоит только сужающейся солнечной щели между створками истончиться до золотой нити.

– Да... Бессонница – это ужас что такое, – невпопад говорит Велелена, когда Зара заканчивает свой рассказ про зубки.

Зара смотрит на сестру недоуменно, Лива – с плохо скрываемым раздражением. В отличие от меня Лива предпочитает Велелене Зару. «Она хотя бы не такая дура», – говорит Лива.

Я же считаю, что дураки – это не такая напасть, как сволочи. А качества, которое делает сволочей сволочами – на нашем языке, языке *ариварэ*, оно называется *довинои*, – в Заре больше, чем в Велелене.

О бессоннице сестры больше не говорили. Да и что им было еще сказать?

Зара ею не страдает – после ужина ее просто-таки валит на перину.

Велелена тоже не страдает бессонницей. Она встает с рассветом, тщательно бреет ноги и подмышки, до обеда примерно хозяйствует, а вечером вышивает себе приданое – постельное белье, рубашки для будущего мужа. Когда начинает смеркаться, она нюхает дым-глину, совсем чуть-чуть, для успокоения, и ложится спать.

Но и Лива не страдает бессонницей. Хотя в последнее время спит по ночам она действительно мало.

С тех пор как появился Съёр (а этому счастью уже две недели), ночью ей не до сна. Она добирает свое днем – поэтому и похожа временами на восставшую из могилы.

Я бы сказал, что ласки Съёра разбудили в Ливе качество, сродственное качеству свежей могильной земли.

До конца Сестринского дня остались сушие пустыки.

Лива на глазах оживает. Велелена, наоборот, привяла.

Я доливаю в пиалку Зары остатки крышона, как вдруг та, неловко развернувшись в мою сторону, цепляет локтем вазу с цукатами. Ваза соскальзывает с полированного края столика, перевора... нет, не переворачивается. Я успеваю перехватить ее и водрузить на место.

Зара пыхтит от удивления. Затем бормочет вполголоса «какая я сегодня неловкая», залпом опустошает пиалу и изрекает:

– Вот смотрю я на Оноэ и думаю: как тебе все-таки, Ливушка моя, повезло! Не то слово, как повезло! Хороший слуга – это экстаз! Хоть он и ариварэ... Но главное – это ведь уверенность, что тебя поймут, как надо, и не обманут! Я тут подумала... Может, одолжишь Оноэ на недельку? Хочу хоть десять дней пожить королевой. А? Ты же у меня такая добрая, Лива...

Кстати, Оноэ – это мое имя. И ариварэ – это тоже я. То есть речь обо мне.

В ответ на просьбу Лива начинает юлить. Одалживать меня Заре ей не хочется. А отказать без предложения некрасиво...

К счастью, на помощь Ливе приходит само мироздание. Со двора доносится собачий лай и человечья ругань – один из носильщиков причалившего к парадной лестнице паланкина отдал ногу вертлявому дворовому псу, а тот, конечно, впился зубами в ляжку обидчика.

Пес скулит, носильщики бранятся, хозяин паланкина читает нравоучения.

Привратнику он выговаривает за то, что среди бела дня спустил животину с цепи, носильщикам – за невнимательность, псу – за то, что родился на свет...

Лива, Зара и Велелена спешат к окну.

Из паланкина показывается Съёр – мрачный, как слово из шести букв, рифмующееся со словом «конец», и, как это слово, сутулый.

Лива машет ему рукой, но тот не догадывается поднять свои фиалковые глаза на окна. Съёр вступает на лестницу. Через пару минут он будет в гостиной.

А пока Съёр поднимается, всякий может полюбоваться богоподобной складностью его фигуры, сильным очерком правильного лица, красота которого произросла из красоты многих девиц, завоеванных именитыми предками Съёра, а также насладиться игрой ветра в его ухоженной каштановой шевелюре.

– Это Съёр, наш дальний родственник, – краснея и бледнея, комментирует Лива. – Он ко мне по делам. Ему нужно занять денег.

– А он ничего. Высокий такой, интересный, – как бы в шутку шепчет Зара, а про себя отмечает: «Пригож, как баба», а также: «Ливе, как всегда, везет».

Ливину денежному объяснению проницательная Зара, конечно, не поверила. Да и кто в такое поверит? Не за деньгами ходят к молодым нежным женщинам почти молодые красивые мужчины!

А когда Съёр рывком распахивает двери гостиной, Зара, обращаясь к Ливе, нарочито громко говорит:

– Ну так что, решено? Займешь мне своего ариварэ на недельку?

Сначала Бог сотворил качества: красоту, легкомыслие, правдивость. И другие.

Потом он создал людей, которым раздал разные качества в числе несчетном. На брата – по три дюжины, а то и по четыре.

Тогда у людей еще не было тел.

Очень скоро, правда, оказалось, что человек без тела и с таким количеством разных качеств напоминает дурачка, который оказался на ярмарке с кошельком мелких монет самой прихотливой чеканки. Купить хочется все, а денег ни на что не хватает.

Одним словом, качеств у людей оказалось слишком много. И, что самое неудобное, каждое из них было выражено очень слабо.

Тогда Бог пожалел людей и дал им тела. Кому красивые, кому здоровые, кому солидные, а кому маленькие.

Чтобы тело ограничивало качества. Чтобы не давало проявляться им всем вместе. Чтобы склонность к фантазерству не враждовала с утра до ночи с правдивостью.

Когда люди освоились с плотными, тяжелыми телами, им и впрямь стало легче жить.

Они принялись обзаводиться семьями – чтобы тела не скучали в одиночестве. Пустились разводить репу и овец – чтобы телам было чем питаться и греться. А самые удачливые люди – те, которые научились превращать тело в одно из своих качеств, – даже получали возможность видеть чужие качества и говорить о них понятными словами.

Сначала Богу было интересно слушать этих людей. Но потом Он снова заскучал. И создал ариварэ, то есть нас.

Бог не любит повторяться, поэтому каждого ариварэ он наделил всего несколькими качествами. Но эти качества он сделал несокрушимыми.

Человек мог быть одновременно умным и несообразительным, скаредным и великодушным, слезливым и черствым, медлительным в жизни и торопыгой в своем воображении – то есть сопрягать несопрягаемые качества. А вот у ариварэ качеств было мало, и они почти никогда не спорили.

У каждого ариварэ было не более одиннадцати качеств. Большинство же ариварэ довольствовалось тремя или двумя.

Я – ариварэ с семью качествами. И это заботливость, любопытство, привязчивость, остроумие, ловкость, наблюдательность и способность ненавидеть тех, кто мешает реализовать предыдущие шесть.

Качества мои полновесны, как монеты из самого чистого золота.

Моя заботливость стоит заботливости двух десятков самых преданных слуг-людей.

Над моими остротами писают со смеху даже ветераны императорского шутовского приказа.

А ненавидеть я способен так, что от шквального ветра моей ненависти шевелится листва Железного Дерева, растущего у Бездны Края Мира, на котором каждый лист величинной с мельничный жернов, а каждый цветок – как воронка водоворота.

Но это еще не конец истории.

Сначала Богу очень нравились ариварэ. И он поселил ариварэ в мире, который располагался над миром людей. Там было гораздо больше воздуха.

И если бы не одно качество – любопытство, которым ариварэ вроде меня были изначально наделены, люди никогда не узнали бы о нас и о том, насколько мы более счастливые и цельные, чем они.

А так мы все чаще выходили на карнизы – так у нас назывались места, где мир ариварэ сопрягался с миром людей, – чтобы посмотреть, что там внизу, в сумерках. А заодно и порадоваться тому, насколько мы, ариварэ, более счастливые и более цельные, чем люди.

Не знаю точно, когда *видящие* мира людей стали мастерить арканы и стаскивать ариварэ с карнизов.

Не знаю также, когда они, сначала потехи ради, а после – из корысти, начали наделять нас самодельными телами. Прозрачными, но плотными, неудобными...

Я знаю только, что любопытных в мире ариварэ с тех пор стало гораздо меньше.

А слуг и воинов ариварэ в Синем Алустрале – гораздо больше...

Так случилось, что однажды холодное, мощное желание Съёра обернулось тысячей крючьев, и эти крючья впились в тело Ливы и распялили ее, как гигантскую камбалу в копильне, на щите великих и ужасных чувств – любви и желания.

Да, Съёр, как и Лива, был из Лорчей.

Но если Лива являлась той самой овцой, чье существование искупает грехи всего стада, если она обладала многими необщими для женщин Дома Лорчей качествами (например, способностью внимательно молчать, остроумием и бескорыстием), то Съёр был типичным.

Как и все знатные Лорчи, он готов был часами скакать по генеалогическим пням, похвляясь своими историческими предками от Перрина Неистового до Коведа Пустого Кошеля. Их отвага и доблесть были для Съёра перцем и базиликом: делали съедобным постный супец его будней.

Как и многие мужчины Лорчей, Съёр был чудовищно жаден до денег.

Он умело давал в рост, умело брал, искусно притворялся небогатым и всегда оказывался там, где правильные люди говорили о «процентах», «удержании пени» и «тенденциях».

Подобно многим своим со-домникам, он обожал рассуждения о том, что Синий Алустрал обречен, ибо отстал от Настоящей Жизни. (А Настоящую Жизнь он понимал как энергичную круговерть товаров и услуг, как ничем и никем не ограниченное пожирание и накопление.) Что рыцарство должно не то чтобы уж совсем передохнуть, да побыстрее, но... м-м... как бы это поделикатней выразиться... «самореформироваться», совершить «самопрорыв».

И что «так называемые аристократы» должны работать (и желательно еще, чтоб на него). Что они просто обязаны отринуть свое жалкое эстетство – все это любование цветущими деревьями, вышивание, поэтизирование, – потому что этак можно и хвостом ослиным начать любоваться, когда все цветы закончатся, так ведь и разлагались древние царства... И, кстати, ведь никто же не видел никакой «души» и никакого «духа», так для чего, спрашивается, вот это вот все?

А если скнижившееся рыцарство не образумится, пророчил Съёр, делеги из далекой Сармонтазары придут в Алустрал и все-все-все завоюют, скупят, осквернят.

Ага-ага.

При этом, стоило только кому-то рядом критически отозваться о воинском духе Лорчей, о поэзии Лорчей или подвергнуть осторожной ревизии давнюю военную кампанию, которую Лорчи спустя рукава вели, пока не профукали, как Съёр первым впадал в истерику наивных опровержений: «не кампанию, не военную, не спустя не рукава, не профукали, не Лорчи...»

Или: «Поэзия Лорчей – самая поэтическая, потому что в ней больше всего рифм».

А когда какому-нибудь образованному из Рема все-таки удавалось поставить Съёра на место, тот цедил: «Слабому не понять правды этой земли».

(Последнюю формулу он позаимствовал из «Нескучных бесед» старца Руи, которого считал своим духовным, едва сдерживаясь, чтобы в голос не расхохотаться... духовным пастырем. Под сенью трех кривых сосенок его учения о всеединстве и «гибкой силе» Съёр духовно окормлялся во времена юности.)

«Низость», «продажность», «моральная нечистоплотность» – как и старец Руи, Съёр обожал искать эти качества у других. И, как правило, без труда находил.

Кстати, от самого этого процесса Съёр получал удовольствие, сравнимое с тем, которое дарил ему Лива, обцеловывая его набалованный смычок.

Его любимые существительные – «искренность», «благородство», «честь».

Любимые прилагательные – «неподдельный», «непокорный», «правдивый».

Наречия – «навсегда» (иногда на эту честь претендовало «никогда»).

О, лексикон подлеца! Как ты все же узнаваем...

Кстати, любимое ругательство Съёра – «рыбий гроб!» – недорослевое, почти детское, на нашем языке, языке ариварэ, просто-таки кричало: надевай самые удобные свои сандалии и бегом, бегом от этого ублюдка!

Но Лива не говорила на языке ариварэ. Ругательство «рыбий гроб», как и прочие помойные изыски в речи возлюбленного, она считала милым и принимала с радостью.

Самоупоеание Съёра, поносящего «эстетствующих паразитов» и «обленивевших дегенератов», представлялось Ливе проявлением чистоты натуры, радеющей за будущее Синего Алустрала.

Когда Съёр погружался в свои процентно-кредитные калькуляции (эти погружения выглядели как своего рода злой ведьмачий транс), Лива была уверена, что Съёр думает «о них», об «их будущем».

А когда он, деловито выплаживая холодной дланью атлас ее живота, шептал ей, раскрасневшейся от простых, но доходчивых ласк с полным проникновением, «любовь к тебе для меня свята», моя Лива наивно полагала, будто Съёр знает, что значит слово «святой».

Ливушка ошибалась.

Съёр в лучшем случае имел в виду синоним слова «ценный».

Потому что в нем самом не было такого качества – способности воспринимать святое. И ничего святого для него не существовало. Ибо существовать для нас может лишь то, что может быть нами воспринято как существующее.

Так считаем мы, ариварэ.

Впрочем, я, как водится, немного опередил события. Вначале Лива и Съёр просто познакомились.

В тот день Лива навещала своего отца Видига. К слову, в разделе «Лорчи» имперского реестра самых могущественных и родовитых аристократов Видиг значился под номером пять.

Видиг был таким старым, что качество старости в нем уже начинало преобразование в качество небытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.